

вый заменил в русском театре медные рога на деревянные. В 1784 г. К. Лау поступает в качестве капельмейстера на службу к Г. Потемкину, который тоже имел собственный оркестр роговой музыки и хор.

С середины XVIII в. музыка становится непременным элементом дворянского быта России. Обязательным проявлением хорошего тона считалось умение играть на нескольких музыкальных инструментах, знать и исполнять романсы и арии. В дворянских домах музыкальному образованию отводилось много времени, а первыми учителями музыки были, как правило, иностранцы. При Анне Иоанновне и Елизавете Петровне высшее русское общество обучали капельмейстеры и музыканты придворного оркестра: Арайя, Раупах, Гюбнер, Я. Мареш. В 1780—1781 и 1791—1795 гг. в Институте дворянских девиц (впоследствии Смольном) музыку преподавал Я. Прач.

В 1783 г. в России открывается первая музыкальная школа, а основали ее чешские музыканты Михаил Керцель (сын чешского дирижера Франтишека Керцеля) и Антонин Диле (Дило?). В связи с чем в газете «Московские ведомости» было помещено объявление, что в школе М. Керцеля — А. Дило «учиться можно на разных инструментах: скрипке, альте, виолончели, контрабасе, кларнетах, фаготах, гобоях, литаврах и роговой музыке»⁴.

В период расцвета творчества русских живописцев Левицкого и Боровиковского много иностранных мастеров живописи, ваяния, зодчества работало в России⁵. Из чешских художников наиболее известен живописец Мартин Фердинанд Квадаль. Он появился в Петербурге в 1797 г. Как сообщает журнал «Старые годы»⁶, его пригласил в Россию Павел I. Известно, что свои живописные работы Квадаль выставлял в картинной галерее на Невском проспекте, называвшейся тогда «Картинный шалаш». В 1804 г. ему было присвоено звание академика.

Личные контакты были установлены и между мастерами чешской и русской сцены, актерами двух стран. Знакомство с чешскими актерами, их творчеством происходило во время гастролей богемских артистов (например, Э. Тиллова-Шольцова, К. Штейнберга и др.), а также в период деятельности в Москве на рубеже XVIII и XIX вв. труппы чешских актеров, которой руководил драматург и публицист К. Штейнберг.

Безусловно, XVIII век, эпоха Просвещения внесли много нового в развитие контактов Западной и Центральной Европы с Россией. И деятельность зарубежных мастеров в России, в частности выходцев из Чехии — центральной европейской страны с богатыми культурными (прежде всего музыкальными) традициями, — способствовала ознакомлению русского общества с культурой Европы, западнославянской в первую очередь. С другой стороны, они, включаясь в культурную жизнь России, усваивали русский язык, обычаи и становились полноправными гражданами новой родины.

¹ См.: Z i d e k F. Cesti houslisté třetí století. Praha, 1979. S. 27.

² См.: Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века / Пер. с нем. Б. И. Загурского. Л., 1935.

³ См. Финдейзен Н. Очерки по истории музыки в России. Л., 1929. Т. 2.

⁴ Московские ведомости. 1783. № 3.

⁵ См.: Врангель Н. Иностранцы художники XVIII столетия в России // Старые годы. 1911. № 7. С. 7 и далее.

⁶ См.: Яремич С. П. Список картинам // Старые годы. 1916. Апрель — июнь. С. 23—25.

И. А. ЛИСОВЫЙ, К. А. РЕВЯКО

ИЗУЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ В БОЛГАРИИ

Изучение античности занимает одно из важных мест в исторической науке Болгарии. Поскольку территория Болгарии являлась частью античного мира, болгарские ученые рассматривают ее древнейшую историю как составную часть национальной истории. Необходимость обобщить результаты болгарского антиковедения нашла частичное отражение в работах как болгарских¹, так и советских ученых².

Одним из ведущих учебных заведений страны по исследованию античности в начале 50-х гг. стала кафедра всеобщей истории Софийского университета, в научной деятельности которой выделяются три направления: изучение истории Древней Греции и Рима, а также памятников древнегреческих и римских колоний во Фракии и Мёзии; изучение общественно-экономиче-

ского строя Фракии и Мёзии на основании литературных и археологических источников; организация научно-исследовательской работы студентов. Весомыми в те годы были научные успехи кафедры классической филологии и кафедры археологии того же университета, а также античных отделов института истории и института археологии Болгарской АН. Важными центрами по изучению античного культурного наследия оказались национальный археологический музей БАН в Софии, археологические музеи в Бургасе, Старой Загоре, Силистре и некоторые другие региональные музеи. Большую организаторскую деятельность провели в то время научные журналы и периодические сборники, например: «Исторически преглед», «Векове», «Годишник на Софийския университет» и др.

Огромную работу провели болгарские антиковеды по исследованию источниковедческой базы: археологические раскопки фракийских, греческих и римских центров на территории Фракии, их систематизация, публикация археологических объектов и сводов античных памятников, изучение и публикация найденных в Болгарии античных надписей и монет, а также систематизация сведений античных авторов о Фракии³. Значительных успехов достигли болгарские исследователи и в подводной археологии.

Стержневой проблемой исследований болгарских антиковедов на протяжении 40 лет является история и культура Фракии. Еще на первой научной археологической сессии страны (1950) был разработан комплексный план, объединивший усилия всех археологов Болгарии. С тех пор сформировавшаяся новая отрасль науки — фракология стала одной из важных лодий по исследованию всемирной историографии.

Большую роль в развитии болгарского антиковедения сыграл институт фракологии БАН, ставший в 70-х гг. организующим и целенаправляющим центром всех фракологов. Уже в первом, организованном им, международном конгрессе по фракологии (1972) приняло участие около 300 ученых из 24 стран мира. В работе института, как и в работе всех болгарских фракологов, можно выделить следующий ряд аспектов: исследование размещения фракийских племен и взаимоотношений между ними, их культуры и искусства; греческая колонизация (апойкизация), взаимоотношения фракийцев с греками; возникновение Одрисского государства, его социально-экономическое и политическое развитие; взаимоотношение Фракии со скифами и другими племенами и государствами; македонская гегемония и фракийские земли; фракийская диаспора; Фракия во время римской экспансии на Балканы, завоевание Римом фракийских земель и образование провинции Фракия, ее дальнейшая история и культура в составе Римской империи.

Из множества работ, посвященных рассматриваемой проблеме, выделим наиболее известные и важные. Одной из первых работ болгарской фракологии была монография Хр. М. Данова «Древняя Фракия»⁴. В ней нашел отражение ряд основных вопросов, связанных с источниковедческим анализом и историографией фракийских земель. Рассматриваются вопросы социально-экономического и политического развития древнефракийских племен. Особое внимание автор уделит исторической географии фракийских земель. Рассматривая вопрос о греческой колонизации, Хр. Данов не только дает ей оценку как катализатора экономического и культурного развития Фракии, но и определяет ее значение для всего греческого мира. Центральное место в книге занимает глава об Одрисском царстве, в которой автор пересмотрел свое отношение к полисной организации фракийских поселений, раскрыл роль фракийской общины в возникновении и формировании социальной структуры Одрисского государства.

Своеобразным переломом в болгарской фракологии, как и во всем антиковедении, явились 70-е гг. Ученые значительно расширили круг исследований благодаря накопленному археологическому материалу, что позволило поставить и частично решить многие, не исследованные до тех пор, вопросы, например, — об этногенезе и этнокультурном развитии фракийских племен в доримскую эпоху, о демографической и социальной структуре древней Фракии, а также об исторической географии фракийских земель⁵.

Заслуживает также внимания работа В. Велкова и А. Фола о роли фракийцев и иллирийцев в историческом развитии древнего мира⁶. Говоря об этнической картине Балкан, авторы подчеркивают, что к концу II тыс. до н. э. в результате миграций племен и народностей Юго-восточной Европы и Восточного Средиземноморья существенно изменилась этническая карта Балкан. В конце I тыс. до н. э. появляются две основные группы, объединившие многочисленные этнические племена — фракийцы и иллирийцы. Они существовали вместе с эллинами вплоть до поздней античности.

Положительным моментом в болгарской фракологии является попытка воссоздать картину социально-экономической жизни Болгарии в античную эпоху. Этот вопрос занимал В. Велкова, И. Венедикова, В. Попова и др.⁷ Проследившая основные этапы экономического развития фракийских земель, В. Велков полагает, что к концу II тыс. до н. э. местное население, кроме земледелия и скотоводства, занималось добычей руды, что жители побережья поддерживали торговые связи со Средиземноморским миром; в период создания и расцвета Фракийского царства особое развитие получило ювелирное искусство. Фракийцы широко экспортировали зерно, скот и руду. Появившееся рабство не смогло охватить основные отрасли производства, поскольку было патриархальным. В IV в. до н. э. появляется сеть городов, что свидетельствует о высоком уровне социально-экономической жизни.

В. Попов, рассматривая экономику Фракии в I тыс. до н. э., проследивает изменения, происходившие в формах собственности. Автор подчеркивает, что община во Фракии сохраняла свои функции коллективного собственника земли, причем ее члены превращались во владельцев, постепенно приобретая статус собственников. Община как одно целое эксплуатировалась аристократией. Исследователь затрагивает и вопросы о производителях материальных благ — зависимом и независимом крестьянстве, а также о рабах. Отсутствие последних в процессе производства материальных благ автор считает типичным для организации экономики Фракии.

Вопросы рабства в древней Фракии исследовали Хр. М. Данов и В. Велков⁸. Хр. Данов рассматривает вопросы, связанные с появлением рабов-фракийцев в древнегреческих и римских полисах, подчеркивая, что уже во времена Писистрата фракийские рабы были обычным явлением для повседневной жизни Афин. Во времена Перикла рабы фракийского происхождения имели в Мунихии специальное святилище богини Бендиды. Число рабов-фракийцев возросло в древнем Риме, особенно после III Македонской войны. В самой Фракии и Мёзии в эпоху империи рабство, по мнению Хр. Данова, не получило значительного распространения, поскольку население этих земель было свободным. Однако рабский труд применялся и здесь во всех сферах производственной деятельности. В. Велков рассматривает проблему рабства во Фракии и Мёзии на протяжении всей эпохи античности.

Первым среди болгарских фракологов системное изложение политической истории древних фракийцев конца II тыс. до н. э. — конца V в. н. э. дал А. Фол в своей работе «Политическая история фракийцев»⁹. Отрицая традиционную точку зрения западной историографии о случайном, порожденном внешним влиянием возникновении Одрисского царства, А. Фол приходит к выводу, что последнее явилось результатом локального, общепракийского общественно-экономического и политического развития, что оно было органически самостоятельным образованием, сыгравшим значительную роль в политической истории Балканского полуострова до прихода римлян. Представляет интерес также работа А. Фола, посвященная политической истории Фракии и Балканского полуострова в раннеэллинистический период¹⁰, в которой он рассматривает важный для науки вопрос о государственной организации и политической жизни северных фракийских племен (трибаллов, мизов, гетов), о внутривосточном развитии южной Фракии, об Одрисской династии, о фракийско-греческих отношениях, а также о политическом кризисе во Фракии накануне римской экспансии на Балканы.

Одной из интригующих проблем фракологии является проблема взаимоотношений Фракии с античным миром. Контакты фракийских земель с эгейским и восточно-средиземноморским регионом изучали К. Жуглев, А. Фол, М. Тачева-Хитова, К. Марков¹¹. Фракийско-афинские отношения в классическую эпоху исследовал К. Марков, а взаимоотношения Фракии с эллинистическим миром — А. Балканска¹². Следы фракийской цивилизации на территории Восточного Восточного региона, нынешней Украины, Молдавии и Северо-восточной Болгарии стали предметом исследований Г. Тончевой и С. Крикина¹³. Особенно широко исследовался болгарскими учеными вопрос о взаимоотношениях фракийских земель с Римом. Эта проблема по сей день остается одной из ведущих в болгарской фракологии и, естественно, требует отдельного изучения.

Ряд обобщающих работ по проблемам социально-экономического и политического развития болгарских земель под римской властью опубликовали В. Велков и Б. Геров¹⁴. Исследованием аграрных отношений в римских провинциях Фракии и Мёзии занимались В. Велков, И. Венедиков, В. Геров, Д. Николов¹⁵. Особый интерес представляют исследования Д. Николова о крупной земельной собственности в Римской Фракии. Основываясь на археологических материалах, автор пересмотрел общепринятое мнение об отсутст-

вии рабского труда и преобладании общинного землевладения в Римской Фракии. Д. Николов обратил внимание на следы большого количества вилл в этой провинции — центров крупных землевладельческих комплексов. Автор насчитал 5 тыс. таких вилл, около одной тысячи из которых принадлежало фракийскому этносу. Общая площадь, охватываемая виллами, составляла одну пятую обрабатываемой во Фракии земли, что свидетельствует о большом удельном весе крупного землевладения. В имениях, по мнению автора, было занято около 300—400 тыс. человек, т. е. одна четверть всего населения провинции. Это дает основания Д. Николову определить Фракию как район с развитым рабовладением еще в середине I века до н. э. (в соответствии с датировкой постройки вилл).

Проблемы рабства периода римского господства изучались болгарскими исследователями в двух аспектах: гладиаторы и гладиаторские игры во Фракии, а также восстание рабов под предводительством Спартака. Итоги этих исследований рассматривались на международном научном симпозиуме, посвященном 2050-летию спартаковского восстания (1977 г.), в Благоевграде.

В заключение выражаем сердечную благодарность коллеге Ивану Тодорову за ознакомление с рукописью данной статьи и ценные пожелания.

¹ Иванов Т. Проучвания на града през римската и ранновизантийската епоха в България (1944—1964) // Археология. VI. 1964. Кн. 3; Катинчаров Р. Проучвания на бронзовата епоха в България (1944—1974) // Археология. XVII. 1975. Кн. 4; Тачева-Хитова М. Българската тракология в периода 1966—1970 г. // Известия на Българското историческо дружество. 1972. Т. 28; Попов Д., Тачева М. Съвременното състояние на проучванията по история българските земи в древности // Университетски изследвания и преподавания по българска история у нас и в чужбина. София, 1982.

² См.: Историография античной истории / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980, Мурыгина Н. Ф. Проблемы развития общественного строя римских провинций Фракии и Мёзии в современной болгарской историографии // Уч. зап. МГПИ. 1967, № 275; Штаерман Е. М. Две новые работы по социально-экономической истории Фракии // Вестник древней истории. 1971. № 4.

³ См. Извори за историята на Тракия и траките. Т. 1. / Состав. В. Велков и др. София, 1981.

⁴ См.: Данов Хр. Древна Тракия. Изследвания върху историята на българските земи, северна Добруджа, източна и егейска Тракия от края на IX до края на III в. пр. н. е. София, 1969.

⁵ См.: Фол А. Демографска и социална структура на древна Тракия: I хилядолетие преди новата ера. София, 1970; Демиралев П. Принос към историческата география на Тракия. София, 1953. Т. 2; Фол А., Стридинов Т. Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н. е. София, 1983. Т. 1; Атлас. Т. 2.

⁶ См.: Велков В., Фол А. Ролята на древните балкански народи (траки и илири) в историческото развитие на античния свят // Археология. XVIII. 1976. Кн. 1.

⁷ См.: Велков В. Икономическо развитие на тракийските земи през античността // Икономич. мисъл. 1981. № 4; Венедиктов И. Земледелието при траките // Развитие на земеделството по българските земи. София, 1981; Роров V. Problemes du developpement socio-economique de la Thrace durant (e premier millenaire av. n. ere) // Pulprudeva. 3 Plovdiv, 1978; Sofia, 1980.

⁸ См.: Данов Хр. Към история на рабството в древна Тракия // Исторически преглед. V. 1948—1949. Кн. III—IV; Велков В. Рабството в Тракия и Мизия през античността. София, 1967.

⁹ См.: Фол А. Политическа история на траките. Края на второто хилядолетие до края на петти век преди новата ера. София, 1972.

¹⁰ См.: Фол А. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975.

¹¹ См.: Жуглев К. Економическите связи фракийските земи с егейским миром и древним Востоком в доримское время // Thracia. 1975. № 3. Фол А. Тракия и европейския югоизток // Международен семинар по римска керамика, септ. 1975 г. Велико Търново, 1975; Тачева-Хитова М. Древния Фракия и Юго-Восток Европы. София, 1976; Марков К. Трако-атински отношения в Егейска Тракия през VI—V в. пр. н. е. // Thracia antiqua. 1977. № 2.

¹² См.: Балканска А. Тракия и елинистическия свят // България в света от древността до наши дни. София, 1979.

¹³ См.: Тоичева Г. О фракийцах нынешних Украины, Молдавии, Добруджи и Северо-восточной Болгарии в XI—VI вв. до н. э. // Studia Thracia. 1975. № 1; Крикин С. Траките в Боспор: Факты и гипотези // Thracia antiqua. 1978. № 4.

¹⁴ См.: Велков В. Българските земи под римска власт (I—VI в.) // Векове. 1977. № 5; Velkov V. Roman Citizens in Bulgaria (Collected Studies). Amsterdam, 1980; Геров V. Beiträge zur Geschichte der römischen Provinzen Moesien und Thracien. Amsterdam, 1980.

¹⁵ См.: Геров В. Земевладението в Римска Тракия и Мизия (I—III в.). София, 1980; Николов Д. Селското хозяйство в Римской Фракии // XV конференция «Эйрена». София, 1978.